
ТАМ,
ГДЕ
ГОРИТ
СВЕТ
2
АРТЕМ СТРЕЛЕЦ

Артем Стрелец

Там, где горит свет 2

«Автор»
2026

Стрелец А.

Там, где горит свет 2 / А. Стрелец — «Автор», 2026

У частного детектива Андрея Воронова появляется новый клиент с довольно странной проблемой.Он утверждает, что его больше никто не помнит.Подобные истории обычно имеют простое объяснение.Но чем дольше Андрей разбирается в этом деле, тем больше находит следов жизни, которой, кажется, не должно существовать.

© Стрелец А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1 5
2 14
3 25
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Артем Стрелец
Там, где горит свет 2

1

— Я бы начал с другого.

Андрей медленно повернул голову. Мужчина сидел через один стул от него, заметно пьяный, но ещё в той стадии, когда человек считает себя абсолютно трезвым. Рядом стоял второй. За спиной маячили ещё двое — видимо, компания.

— Я бы рот закрыл, — сказал Андрей.

Мужчина несколько секунд переваривал услышанное.

— Ты чего тут самый дерзкий?

— Э, не трогай его, — донеслось откуда-то сбоку. — Это наш местный.

Андрей мельком посмотрел в ту сторону.

— Да хоть двухместный, — бросил пьяный. — Слышь, ты чего такой борзый?

Он начал разворачиваться к Андрею. Правая рука пошла вверх. Ждать, чем закончится движение, Андрей не стал. Кулак коротко вошёл во что-то мягкое под рёбрами. Мужчина согнулся. Голова сразу оказалась удобно рядом. Второй удар пришёлся сверху. Без красоты. Просто чтобы закончилось.

— Твою мать, не в баре же! — заорал Серёга из-за стойки.

— Он первый начал.

— Я всё видел!

— Тогда зачем спрашиваешь?

Тот, что получил под рёбра, ещё пытался удержаться на высоком барном стуле. Андрей машинально придержал его за плечо. Секунду. Может, две. Потом отпустил.

Мужчина сполз со стула и с грацией мешка, набитого мокрым бельём, рухнул на не особенно чистый пол. Андрей посмотрел вниз.

— Я к себе, — сказал он Серёге.

Бармен уставился на лежащего.

— Отлично. А с этим что делать?

— Разберёшься. Не впервой.

— Сука.

Серёга буркнул последнее уже себе под нос.

Андрей взял со стойки стакан. Лёд тихо звякнул о стекло. Внутри плескалась прозрачная жидкость. Минералка. За последние два месяца это слово почему-то перестало звучать как издевательство.

Сзади уже задвигались стулья. Друзья лежащего наконец решили, что пришло время проявить солидарность. Один вскочил слишком резко, зацепил ногой второго и потерял равновесие. Тот дёрнулся следом, пытаясь удержаться, и оба рухнули на соседний стол. Посуда взлетела вверх. Тарелка ударилась об пол. Бокал опрокинулся, и что-то ярко-красное выплеснулось на женщину в светлом платье, которая до этой секунды вообще не имела отношения к происходящему.

Она вскочила.

— Вы совсем охренели?!

Мужчина рядом с ней тоже поднялся.

— Ты куда полез?!

Кто-то сзади толкнул его в плечо.

— Руки убрал!

— Сам не лезь!

Следом загремел ещё один стул. Андрей даже не обернулся. За спиной разрастались крики, ругань и мат. Кто-то пытался кого-то успокоить, делая это исключительно угрозами. Кто-то уже вспоминал чужих матерей. Стекло снова звякнуло о пол.

— Воронов! — рявкнул Серёга.

Андрей уже открывал служебную дверь.

— Что?

— Ты это начал!

— Я наверху.

Дверь закрылась. Крики стали глуше.

Андрей сделал глоток минералки и пошёл наверх. На втором пролёте отозвалось колено. Пришлось остановиться. Он постоял несколько секунд, держась за перила, потом продолжил подъём. Возраст вообще обладал отвратительной привычкой вмешиваться уже после того, как всё интересное закончилось.

Спустя два месяца после последнего дела, в котором он сначала искал профессора Гринберга, потом нашёл его, а в конце уже сам не мог толком объяснить, что именно нашёл, изменилось удивительно мало. И одновременно почти всё.

Андрей больше не курил. Не бросил. Именно не курил. Последнюю сигарету он тогда так и не зажёг. Потом не закурил утром. Потом вечером. Через несколько дней обнаружил, что пачка всё ещё лежит на столе, и выбросил её.

С алкоголем получилось почти так же. Первые недели Андрей даже ждал, когда организм потребует привычного. Не потребовал. Это раздражало сильнее, чем если бы потребовал.

Кабинет тоже стал другим. Не потому, что здесь начали убирать. И уж точно не потому, что кто-то открыл окно. Просто из него постепенно ушёл запах табака.

Алкоголь ещё держался. Вернее, одна конкретная его часть. Бутылка «Оранжевой дикости» по-прежнему стояла в шкафу. Початая. Андрей несколько раз собирался её выбросить, но каждый раз оставлял.

Памятник. Так он её и называл. Сам не очень понимал чему. Может, тому дню. Может, тому человеку, которым был до него. А может, просто жалко было выбрасывать почти полную бутылку. Последнее объяснение нравилось больше.

Андрей открыл кабинет и включил настольную лампу. Жёлтый круг лёг на стол. Снизу через перекрытия донёсся очередной удар. Следом — возмущённый голос Серёги.

Стакан Андрей поставил рядом с лампой. На столе лежала серая коробка с цифрами 0417, рядом — металлический коннектор и тяжёлый том в потёртой обложке:

«Уильям Шекспир. Трагедии. Комедии. Сонеты».

Та самая книга, которая когда-то свалилась со стеллажа, ударила Андрея по плечу и одним краем угодила прямо в лужу на полу. После просушки страницы немного повело. Читать это почти не мешало.

Книга вообще неожиданно прижилась. Сначала Андрей открыл её от нечего делать. Потом второй раз. Через пару недель чтение перед сном стало привычкой. Не самой худшей из тех, что у него когда-либо были.

Он опустился в кресло, вставил коннектор в 0417 и взял тяжёлый том. Раскрыл по закладке. Пятьдесят пятый сонет.

Последнее время он почему-то чаще читал вслух. Сначала сам не замечал, потом оставил как есть. В пустом кабинете голос хотя бы немного перебивал музыку и шум снизу.

Андрей провёл пальцем по строке и начал:

— Не мрамор, не позолоченные памятники царей переживут эти строки. В них ты останешься дольше, чем в камне, который время сотрёт и сравняет с землёй...

Он остановился на секунду, посмотрел на следующую строку и продолжил:

— И даже смерть не заставит тебя исчезнуть. Ты будешь жить в памяти тех, кто ещё придёт...

— У вас непременно талант, Андрей Викторович.

Андрей замолчал.

Палец остался на строке.

— Мы опять перешли на «вы»?

— Простите?

— Вчера было «ты».

Гринберг сидел на диване.

Андрей не смотрел в его сторону.

Перевернул страницу.

— Мне казалось, некоторое уважение к возрасту ещё никому не вредило.

— Вашему или моему?

— В нашем случае вопрос сложный.

Несколько секунд Гринберг молчал.

— Знаете, мне кажется, я начинаю терять то, чем когда-то был.

Андрей дочитал строку, потом следующую и только тогда поднял глаза. Профессор выглядел как обычно: седые волосы, очки в тонкой оправе, спокойное лицо. Та же одежда, в которой Андрей привык его видеть.

— Нет, нет. Не подумайте, Андрей Викторович. Не в том смысле.

Андрей вернулся к книге.

— Уже испугался.

Гринберг пропустил замечание.

— Я стал каким-то… проще.

Теперь Андрей всё-таки посмотрел на него внимательнее.

— Поздравляю.

— Вы опять не понимаете.

— Пока стараюсь.

Гринберг немного помолчал.

— Представьте тень человека.

— Зачем?

— Просто представьте.

— Представил.

— Она повторяет его форму. Движения. В каком-то смысле даже узнаваема. Но если источник исчезает…

— Тень тоже исчезает.

— Нет.

Гринберг покачал головой.

— В моём случае она остаётся.

Андрей закрыл книгу пальцем между страницами.

— И?

— И постепенно начинает забывать, чьей тенью была.

Снизу донёсся глухой удар, потом чей-то повышенный голос. Через перекрытия всё это уже сливалось в обычный барный шум, и Андрей почти не обратил внимания.

— Я говорю не о философии, — продолжил Гринберг. — Я замечаю изменения в речи, в реакциях, даже в том, как формулирую мысли. Какие-то привычные обороты исчезают. Манеры, которые были со мной десятилетиями, постепенно стираются.

— Может, потому что они больше не нужны.

— Возможно. Но я не знаю, где заканчиваются манеры и начинается то, что составляет меня самого.

Андрей посмотрел на него, потом опустил взгляд на закрытую книгу.

— И давно вы это заметили?

— Сначала не придавал значения. Отсутствие тела само по себе меняет многое. Нет усталости, голода, привычного распорядка. Нет большей части бытовых раздражителей. Я предполагал, что какие-то реакции исчезнут естественным образом. Но дело, похоже, не только в этом.

— А в чём?

Гринберг немного помолчал.

— Внешний мир для меня существует только тогда, когда я подключён к вам. И всё, что я получаю извне, приходит через вас. Один и тот же человек, одно и то же помещение, примерно один и тот же набор событий. Для сохранённой структуры этого может оказаться недостаточно.

— То есть вам не хватает нового опыта.

— Примерно так. Человек всю жизнь меняется через других людей. Даже совершенно незначительные встречи что-то добавляют. Разговор, спор, чужая реакция, необходимость самому выбирать, что сказать или сделать. У меня этого почти нет.

Андрей взял стакан, сделал глоток и поставил обратно.

— А если дать вам доступ к интернету?

— Коннектор для этого не предназначен.

— Я не про этот конкретный разъём. В принципе.

— Теоретически можно попытаться создать другой интерфейс. Практически я бы не стал.

— Почему?

Гринберг посмотрел на 0417.

— Потому что я до сих пор не знаю, насколько устойчиво то, что находится внутри. Носитель сохраняет структуру, а коннектор позволяет ей взаимодействовать с вашим восприятием. Для другого способа связи пришлось бы вмешиваться глубже. Я не могу предсказать, что при этом изменится и останусь ли после этого собой.

Взгляд снова остановился на серой коробке.

— Тогда интернет пока отложим.

— Я был бы признателен.

Снизу снова донёсся шум, но уже значительно тише прежнего. Андрей машинально прислушался и почти сразу перестал.

Гринберг перевёл взгляд на металлический модуль.

— Крылов так и не забрал коннектор?

— Нет. Дважды предлагал.

Гринберг задумался.

После окончания дела Андрей действительно сам позвонил Крылову и спросил, куда привезти модуль. На другом конце несколько секунд молчали.

— Оставьте пока у себя.

Андрею ответ не понравился.

— Надолго?

— Пока не понадобится.

Через неделю Андрей вернулся к разговору.

— Коннектор вам мешает? — спросил Крылов.

— Не особенно.

— Тогда пусть остаётся у вас.

Больше Андрей не спрашивал.

Он слишком долго проработал в полиции, чтобы принять подобное за забывчивость. Крылов прекрасно знал, что лежит у него на столе и сколько людей совсем недавно пытались заполучить эту вещь. Если модуль оставили здесь, значит, на то была причина.

Какая именно, Крылов сообщать явно не собирался.

— Вас это беспокоит? — спросил Гринберг.

— То, что сотрудник спецслужбы добровольно оставил у меня вещь, из-за которой меня едва не убили? Немного.

— Возможно, он рассчитывает, что она снова кого-нибудь заинтересует.

— Я тоже об этом думал.

— Тогда получается, интересуются не модулем. Интересуются вами.

Андрей поднял глаза.

— Спасибо, профессор. С этой мыслью я сегодня и усну.

Гринберг едва заметно улыбнулся, но продолжать не стал. Некоторое время оба молчали.

Потом профессор сказал:

— Возьмите меня с собой.

Андрей не сразу понял, к чему тот ведёт.

— Куда?

— Когда появится следующее дело.

— Зачем?

— По той самой причине, о которой мы сейчас говорили. Мне нужна среда, которая не ограничивается этим кабинетом.

Андрей отложил книгу.

— Вы предлагаете мне таскать 0417 с собой?

— Иногда. Мне нужно видеть что-то новое. Других людей, другие места, другие ситуации. Пусть через вас, но это всё равно будет новый опыт.

— И просто наблюдать?

— В основном. Если замечу что-то важное для вас — скажу. Но мне нужно не расследование. Мне нужно снова хоть как-то участвовать в жизни.

— А если просто захочется прокомментировать?

— Постараюсь не мешать.

Гринберг поднялся с дивана и подошёл к внутреннему окну. За жалюзи двигался приглушённый свет бара.

— Есть ещё одна вещь. Я не вижу мир отдельно от вас.

Андрей посмотрел на него.

— В каком смысле?

— Вам кажется, что я могу двигаться по комнате и смотреть независимо от вас. Но это только способ, которым ваше восприятие размещает меня в окружающем пространстве. Собственного зрения у меня нет. Всё, что я получаю, уже прошло через ваши органы чувств и ваш мозг. Я только собираю из этого свою картину.

Андрей нахмурился.

— То есть всё, что видите вы, сначала проходит через меня?

— В той или иной форме — да. Вы воспринимаете значительно больше, чем осознаёте. Я могу пользоваться частью этого потока, но собственного канала у меня нет.

Гринберг оглядел кабинет.

— Поэтому здесь я уже почти ничего нового не получаю. Всё знакомо до мелочей.

Андрей перевёл взгляд на 0417.

— Хорошо. Один раз.

Гринберг повернулся от окна.

— Этого достаточно.

— Только люди, с которыми я разговариваю, о вас не знают. Без необходимости не вмешиваетесь.

— Договорились.

— И если я решу отключить коннектор — значит, отключу.

Гринберг кивнул.

Андрей снова открыл книгу и нашёл место, на котором остановился. Мысль о том, что на следующее дело придётся взять с собой ещё и серую коробку, особого восторга не вызывала, но спорить дальше уже не хотелось.

Он продолжил читать вслух.

На этот раз Гринберг молчал.

Ночь он провёл в кабинете. Внизу ещё долго продолжалось веселье. Драка, как это обычно бывало, постепенно потеряла смысл, перемешалась с выпивкой и к полуночи окончательно превратилась в часть общего шума. Полицию, похоже, никто так и не вызвал, иначе Серёга уже поднялся бы наверх выяснять, сколько теперь стоит дружба с бывшим сотрудником органов.

В квартиру Андрей ехать не хотел. Последние два месяца она почему-то стала казаться чужой. Вроде ничего не изменилось: те же вещи, мебель, чашки на кухне. Но кабинет, бар внизу и даже старый продавленный диван теперь казались ближе, чем собственный дом.

Шекспира Андрей закрыл далеко за полночь. Коннектор вынул из 0417 и положил рядом. Гринберг исчез сразу, без прощаний и прочих условностей, которые за последние два месяца постепенно перестали казаться странными.

На диване нашёлся сложенный плед. Когда именно он здесь появился, Андрей не помнил. Возможно, Серёга притащил после одной из прошлых ночёвок. Возможно, сам Андрей когда-то купил и забыл. Разбираться не хотелось.

Последний месяц он снова начал брать работу, от которой когда-то решил отказаться. Не расследования — с ними как раз было туго.

После дела Гринберга люди Крылова ещё месяц платили Андрею по обычному тарифу — так они договорились.

Работа фактически закончилась, но соглашение оставалось в силе до конца оплаченного срока.

Потом переводы прекратились. Без звонков, объяснений и лишних формальностей.

Вполне в их стиле.

Пришлось вспомнить, чем он занимался в первые месяцы частной практики, когда клиентов было ещё меньше, чем сейчас.

Курьером.

Только не тем, который развозит еду и коробки из магазинов. Через старые знакомства периодически находились люди, которым требовалось доставить документы, наличные, флешку или небольшой пакет так, чтобы он дошёл из одной руки в другую без промежуточных остановок. Ничего незаконного Андрей не возил. По крайней мере, официально. Содержимое ему обычно не показывали, а он старался не спрашивать.

Работа попадалась редко, зато платили прилично.

На выходные как раз подвернулись два таких заказа. Один пакет нужно было отвезти в другой конец города и передать человеку лично в руки, второй — забрать утром в офисе и к вечеру доставить адвокату. Денег хватало, чтобы ещё некоторое время не задумываться о том, что профессия частного детектива становилась всё менее частной и всё менее детективной.

Андрей лёг на диван, подложил под голову свёрнутое пальто и выключил лампу.

Последним, что он увидел перед темнотой, была серая коробка на столе. Рядом лежал коннектор.

Андрей закрыл глаза. Возвращаться к вопросу, зачем Крылов оставил его здесь, сейчас не хотелось.

До поры этого было достаточно.

Проснулся Андрей от стука.

Сначала звук остался частью сна.

Ему снилась квартира. Не нынешняя и не та, в которой он жил с женой. Какая-то неправильная смесь сразу нескольких мест. Он стоял в тёмном коридоре и никак не мог найти дверную ручку. Ладонь скользила по стене, дверь почему-то становилась всё дальше, а с другой стороны кто-то методично стучал.

Тук.

Тук.

Андрей открыл глаза.

Несколько секунд смотрел в темноту, не понимая, где находится.

Потом дверь дрогнула от нового удара.

Тук-тук.

Он приподнялся на локте.

На столе в сером утреннем свете лежали 0417, отсоединённый коннектор и закрытый том Шекспира. За внутренним окном бар был тёмным. Даже Серёги ещё не было.

Андрей провёл ладонью по лицу.

— Кто там?

За дверью ответили не сразу.

— Мне нужен Андрей Воронов. Частный детектив. Это вы?

Андрей посмотрел на телефон.

Шесть ноль семь.

Таких клиентов у него ещё не было.

Что это именно клиент, сомнений почти не возникло. Все остальные в такую рань либо ломились без стука, либо каким-то образом уже находились внутри и только потом объясняли, зачем пришли. Этот сначала постучал, потом уточнил фамилию и профессию.

Клиент.

— Секунду.

Андрей сел.

Спина немедленно отозвалась на ночь на диване. Рубашка выглядела так, словно в ней действительно спали на старом диване, что полностью соответствовало действительности. Пиджак нашёлся на спинке кресла.

Он быстро застегнул пару верхних пуговиц, провёл ладонью по волосам и посмотрел на себя в тёмное стекло внутреннего окна.

Лучше не стало.

Галстук лежал на подоконнике. Андрей посмотрел на него, потом на своё отражение в тёмном стекле. В шесть утра особого смысла изображать безупречного частного детектива уже не было.

— Входите.

Ручка опустилась.

Почти одновременно Андрей потянулся к 0417.

Сам не понял зачем.

Возможно, потому что ещё вечером согласился взять профессора на следующее дело. Возможно, просто хотел проверить, что произойдёт, когда рядом появится незнакомый человек.

Коннектор вошёл в разъём.

Гринберг появился возле книжного шкафа.

Не постепенно. Андрей просто моргнул, и профессор уже стоял там, поправляя манжет рубашки, хотя поправлять в его случае было решительно нечего.

Он открыл рот, собираясь что-то сказать, но дверь кабинета уже начала открываться.

Гринберг посмотрел туда и замолчал.

Потом сделал шаг в сторону, ближе к шкафу.

Странная осторожность для человека, которого посетитель всё равно не мог увидеть.

Андрей отметил это, но спрашивать сейчас было не время.

На пороге стоял мужчина лет сорока.

Ни высокий, ни низкий. Тёмное пальто, светлая рубашка, обычные брюки. Одежда недешёвая, но и человеком, который специально демонстрирует достаток, посетитель не выглядел.

Лицо уставшее. Не после бессонной ночи — скорее после нескольких таких ночей подряд.

В руке он держал небольшой кожаный портфель.

Мужчина сначала посмотрел на Андрея, потом быстро оглядел кабинет. Взгляд прошёл по дивану, столу, стеллажу, окну в бар и на секунду задержался именно там, где стоял Гринберг.

Профессор едва заметно приподнял бровь.

— Андрей Воронов?

— Он самый.

Мужчина вошёл и закрыл за собой дверь.

— Здравствуйте. Меня зовут Роман. Роман Штейн.

Он протянул руку.

Андрей шагнул навстречу и пожал её.

Ладонь была холодной.

— Садитесь.

— Спасибо.

Штейн взял один из двух стульев, стоявших у стены возле двери, и поставил напротив стола. На диван даже не посмотрел.

Андрей это отметил. Те, кто приходил заранее торговаться или долго объяснять, почему их случай особенный, обычно сначала устраивались поудобнее. Этот сразу сел напротив, будто всё уже решил.

Андрей опустился в кресло.

— Вы, конечно, рано.

— Понимаю.

Роман положил портфель на колени, но открывать не стал.

— Обстоятельства не позволяют мне ждать.

Андрей ещё раз скользнул взглядом по портфелю. Деньги у этого человека, похоже, были, и это уже выгодно отличало его от большинства ранних посетителей.

Голос у Штейна при этом оставался слишком спокойным. Без суеты, без попытки поскорее выговориться, без той нервной торопливости, с которой обычно приходили люди, когда дело действительно горело.

Вот это Андрею нравилось уже меньше.

— Что случилось?

Гринберг, до этого стоявший у шкафа за спиной Андрея, отошёл к внутреннему окну и остановился там. На Романа смотрел молча. Как и обещал.

Роман не ответил сразу.

— Сколько стоит ваша работа?

— Зависит от работы.

— Мне сказали, у вас есть дневная ставка.

— Есть.

Андрей назвал сумму.

Штейн даже не изменился в лице.

— Хорошо.

— Обычно в этом месте люди хотя бы спрашивают, почему столько.

— Меня устраивает.

Он открыл портфель.

Внутри лежали бумаги, небольшая записная книжка и плотный конверт.

Конверт Роман положил на стол.

Андрей не тронул.

— Что там?

— Аванс.

— Я ещё не сказал, что возьмусь.

— Посчитайте.

— Зачем?

— Чтобы вы понимали, что я могу заплатить.

Андрей помедлил, потом всё-таки взял конверт. Внутри лежали аккуратно сложенные купюры. Сумма была значительно больше его обычного трёхдневного аванса.

Он пересчитал деньги один раз, потом второй. Ошибки не было.

Конверт вернулся на стол.

— Вы пришли ко мне в шесть утра с деньгами на пару недель работы и до сих пор не сказали, что произошло.

— Я не был уверен, что смогу прийти позже.

Формулировка была странной. Андрей задержал на нём взгляд.

— Почему? Вам угрожают?

— Нет.

— За вами следят?

— Возможно. Но дело не в этом.

— Полиция?

— Я к ним обращался.

— И?

Роман посмотрел на свои руки.

— Они посоветовали мне обратиться к врачу.

— Обращались?

— Да.

— И что врач?

— Сказал, что со мной всё в порядке.

— Какой врач?

— Психиатр.

Андрей несколько секунд молчал.

— Хорошо. Рассказывайте с самого начала.

У внутреннего окна Гринберг уже не казался расслабленным. Он смотрел на посетителя значительно внимательнее, чем минуту назад.

Андрей ждал. Иногда человеку требовалось несколько секунд, чтобы произнести вслух то, с чем он уже давно жил один.

Штейн наконец поднял глаза.

— Вы мне не поверите.

Андрей молчал, глядя ему прямо в глаза.

Роман вдохнул.

— Я исчез.

2

Рассказ Штейна повторялся уже, наверное, в десятый раз. Короткий, ёмкий, выстроенный почти по пунктам — и от этого не становившийся ни понятнее, ни логичнее. Андрей вертел в руках пустой стакан, в котором ещё вчера была минералка, и смотрел на нового клиента сквозь толстое стекло, пытаясь понять, что же всё-таки с ним произошло.

— Стойте, — наконец перебил Андрей. — Я всё понял. Вернее, не понял ничего, но запомнил.

— Понимаете…

Андрей остановил его лёгким движением руки.

— Подождите.

Он придвинул блокнот, перевернул исписанную страницу и быстро набросал несколько строк.

— Работа на месте. Деньги тоже. Всего остального нет. Правильно? Вернее, есть, но…

Андрей замялся, подбирая определение.

— Да, — помог Штейн. — Они просто делают вид, что меня не было.

— Хорошо. Пока так и запишем.

На странице появилось: «Общая амнезия?» Андрей обвёл слова и поставил рядом три вопросительных знака.

— Друзья?

— Тоже.

— Родственники?

— Все.

— Жена, дети — вы уже говорили.

— Да.

Андрей положил ручку и посмотрел на него, немного сузив глаза. Сумма в конверте была приличная, а деньги сейчас были нужны. Если Штейн действительно оказался просто человеком с очень убедительным расстройством, проверить его историю можно было за день-два. Работа выглядела простой, но почему-то таковой не ощущалась.

— Скажите, вас вообще кто-нибудь помнит?

— Никто.

Ответ прозвучал сразу и совершенно спокойно. Так отвечают на вопрос, пил ли человек сегодня кофе. Ни злости, ни растерянности, ни попытки убедить.

Андрей отметил и это.

— Вообще никто — это сильное утверждение.

— Я проверял.

— Сколько человек?

Штейн задумался.

— Точно не считал. Двадцать, может, больше.

— И все двадцать посмотрели на вас и сказали: «Роман, мы понятия не имеем, кто вы такой»?

— Не такими словами.

— Тогда какими?

Штейн впервые за всё время заметно напрягся. Не разозлился — скорее устал от необходимости снова объяснять то, что самому казалось очевидным.

— По-разному. Кто-то просто не узнал. Кто-то решил, что я ошибся человеком. Один знакомый попросил меня уйти, когда я напомнил, где мы познакомились. С женой было хуже.

Андрей снова взял ручку.

— Когда это началось?
— Около двух недель назад.
— До этого всё было нормально?
— Да.
— Что с женой?
— Я приехал домой.
— В свою квартиру?
— Да.
— Ключ подошёл?
Роман помолчал.
— Нет.
Ручка остановилась.
— Вот это вы раньше не говорили.
— Вы не спрашивали.
Андрей посмотрел на него поверх блокнота.
— Поэтому я и прошу сейчас не пересказывать всё сначала. Только отвечайте на вопросы.
Штейн кивнул.
— Замок был другой?
— Да.
— Вы уверены?
— Я прожил там одиннадцать лет.
— Дальше.
— Позвонил в дверь. Открыла жена.
— И?
— Спросила, что мне нужно.
Андрей ничего не записал.
— Она вас не узнала?
— Нет.
— Совсем?
— Совсем.
— Дети были дома?
— Дочь.
— Возраст?
— Четырнадцать.
— Она тоже?
Штейн кивнул.
— Я назвал её по имени. Она испугалась.
Андрей машинально провёл ручкой линию под словами «жена, дочь».
— В квартиру вы вошли?
— Нет. Жена хотела вызвать полицию.
— И вы ушли.
— Да.
— Просто ушли?
Роман посмотрел на него.
— А что я должен был сделать?
— Не знаю. Поэтому спрашиваю.
На этот раз Штейн ответил не сразу.
— Я подумал, что это какая-то идиотская шутка. Потом — что с ней что-то случилось. Что она не в себе. Но дочь… — Он ненадолго замолчал. — Дочь смотрела на меня так же.

Андрей записал ещё несколько слов.

Гринберг за всё это время не произнёс ни звука. После того как обошёл стол и остановился у внутреннего окна, он словно стал частью комнаты. Смотрел на Штейна внимательно, без своей обычной привычки слегка поворачивать голову, когда что-то его заинтересовывало.

Андрей старался не смотреть в его сторону.

— Хорошо. Дом пока оставим. Работа.

— Что работа?

— Вы сказали, она осталась.

— Да.

— Что именно вы называете работой?

— У меня вендинговые автоматы.

— Кофе?

— Не только. Кофе, снеки, вода. Несколько комбинированных.

— Сколько?

— Тридцать два.

Андрей поднял глаза.

— Тридцать два автомата?

— Да.

— Где стоят?

— В разных районах. Несколько дальше от города.

— Ваши?

— Мои.

— Оформлены на вас?

Штейн помедлил.

— Не знаю.

— Как можно не знать, на кого оформлены тридцать два автомата?

— Две недели назад я бы ответил, что на меня.

— А сейчас?

— Сейчас я уже ничему не удивлюсь.

Андрей отложил ручку.

— Вы проверяли?

— Нет.

— Почему?

— Потому что сначала я пытался понять, что происходит с семьёй. Потом с друзьями. Потом пошёл в полицию. Потом к врачу. До документов на автоматы я пока не добрался.

— А до автоматов вы всё-таки добрались?

— До нескольких.

— Всё на месте. Машины работают. Я открыл семь.

— Без проблем?

— Один купюроприёмник зажевал деньги, с одним замком пришлось повозиться. Но всё это обычная рабочая мелочь. К тому, что происходит со мной, отношения не имеет.

— Выручка была?

— Была. Я её забрал.

Штейн говорил об этом без колебаний, словно в этой части происходящего никаких вопросов для него не существовало.

— На одной из точек меня остановил охранник. Спросил, из какой я компании. В другом месте администратор потребовала пропуск. Я знаю её несколько лет, а она смотрела на меня впервые в жизни.

Он ненадолго замолчал.

— Но ключи подошли. Автоматы открылись. Деньги были внутри. Поэтому я их и забрал.

Андрей записал это отдельно.

Люди Штейна не помнили. Железо — пока помнило.

Получалось всё страннее. Если Штейн врал, он выбрал довольно неудобную ложь. Тридцать два автомата невозможно спрятать в кармане. Адреса можно проверить. Людей — найти. Право собственности поднять. Уже к вечеру от всей истории могла остаться одна медицинская карточка.

Андрей ещё раз просмотрел записи и закрыл блокнот.

— Хорошо. Пока достаточно.

Он попросил Штейна оставить несколько адресов автоматов и контакты людей, которые знали его раньше. Роман записал всё на чистом листе, добавил номер телефона и по просьбе Андрея отправил ему свою фотографию. Затем достал из портфеля связку ключей и положил рядом.

— От автоматов. Дубликаты.

Андрей придвинул связку к себе.

— Что дальше?

— Проверю то, что вы рассказали.

— Когда ждать результата?

— Как только будет что-то конкретное, я вам позвоню.

Штейн кивнул, поднялся, взял портфель и направился к двери.

Уже взявшись за ручку, он ненадолго остановился, словно хотел что-то добавить, но передумал.

Через несколько секунд дверь за ним закрылась.

Андрей посмотрел на исписанные страницы блокнота. Вопросов стало больше, но теперь хотя бы было с чего начинать. Он закрыл блокнот, откинулся в кресле и перевёл взгляд на Гринберга.

— Ну?

Профессор ещё смотрел на закрывшуюся дверь. Потом медленно прошёл к столу.

— Любопытный человек.

— Это всё?

— А вы ждали заключение?

Андрей ничего не ответил.

Гринберг остановился напротив, там, где только что сидел Штейн.

— Я не знаю, что с ним произошло. И, если честно, пока даже не понимаю, с какой стороны об этом думать. Он не производит впечатления человека, который пытается вас обмануть. Но это впечатление, не более.

— Уже лучше.

— Меня другое заинтересовало. Он почти не пытался вас убедить.

Андрей посмотрел на него внимательнее.

— Продолжай.

— Обычно, когда человеку не верят, он начинает доказывать. Повторяет детали, повышает голос, ищет аргументы. Штейн этого почти не делает. Такое ощущение, что за последнее время он уже столько раз рассказывал одно и то же, что ваше недоверие для него перестало иметь значение.

Андрей вспомнил спокойное «никто» на вопрос о людях, которые его помнят.

— А зачем ему меня убеждать? Он заплатил за проверку.

— Справедливо.

Гринберг немного помолчал, затем посмотрел на блокнот.

— А автоматы мне всё-таки нравятся.

— Чем?

— Тем, что они ни о чём не думают. Штейн говорит, что люди его не узнают. Это можно объяснять чем угодно — ложью, памятью, болезнью, совпадениями. Но существует тридцать два физических объекта, которые, по его словам, появились благодаря ему. И у него есть ключи.

— Уже расследуешь?

— Нет. Мне просто интересно. Вы ведь действительно поедете смотреть автоматы?

— После кофе.

— Я с вами.

— Да. Мы договорились.

— А потом?

— Люди. Родственники, друзья, знакомые. Посмотрим, действительно ли его не помнит никто.

Гринберг кивнул.

Андрей потянулся и встал. Пора было привести себя в порядок.

Он сменил рубашку, взял со стола 0417, проверил коннектор и убрал носитель во внутренний карман пальто.

— Пошли.

Они вышли из кабинета и начали спускаться. На лестнице было прохладно, снизу тянуло кофе и моющим средством.

Перед входом в зал Андрей свернул в короткий коридор к общему туалету. Почистил зубы, умылся холодной водой, пригладил волосы и посмотрел на щетину в зеркале. Бриться не стал.

Когда он вышел, Гринберг стоял у двери в зал.

— Готовы?

— Теперь да.

Они вошли в бар.

Гринберг остановился, впервые рассматривая его не через внутреннее окно кабинета, а целиком.

После ночи зал ещё не успели привести в порядок. На нескольких столах оставались стаканы и тарелки, часть стульев уже подняли на столешницы. Возле стойки блестел вымытый пол.

Серёга стоял за баром и разбирал чистые бокалы. Увидев Андрея, поднял голову.

— Живой.

— Пока да.

— Кое-кто вчера хорошо начал вечер.

Андрей поднял руки.

— Я ни при чём.

Серёга фыркнул и снова взялся за бокалы.

— Мужчину не видел? От меня только что вышел.

— Какого ещё мужчину?

— Лет сорока, тёмное пальто. Поднимался ко мне утром.

Серёга махнул рукой.

— Тут кто только не ходит, особенно к тебе. Я что, за всеми смотреть должен?

Андрей ничего не ответил.

— Кофе?

— Двойной.

Он сел у стойки.

Профессор тем временем прошёл чуть дальше, задержался возле сцены, осмотрел пустеющий зал и выбрал столик у стены. Там и устроился, положив руку на стол.

Всё выглядело настолько естественно, что Андрей уже собирался отвернуться, когда заметил перед ним небольшую кофейную чашку.

Несколько секунд он просто смотрел на неё. Серёга в это время возился с кофемашиной и явно ничего необычного не замечал. Чашка тем временем оставалась на месте.

Гринберг заметил его взгляд, проследил до чашки и нахмурился. Потом осторожно взял её и сделал глоток.

— Похоже на кофе.

В этот момент Серёга поставил чашку Андрея на стойку, посмотрел туда, куда тот смотрел, и вопросительно поднял брови.

Короткий жест рукой — всё нормально.

Бармен пожал плечами и отошёл.

Андрей сделал глоток, продолжая краем глаза следить за столиком. Гринберг снова попробовал кофе, уже не торопясь.

Кофе немного привёл мысли в порядок. Андрей застегнул пальто и вышел на улицу.

Мороз ещё держался, но уже без прежней уверенности. Между серыми облаками иногда пробивалось солнце, на тротуарах темнели мокрые пятна, с края крыши лениво капало. Весна пока существовала скорее как обещание, но обещание становилось всё настойчивее.

Проверять все тридцать два автомата смысла не было. Для начала хватит трёх в разных местах. Если ключи Штейна подойдут, машины окажутся там, где он сказал, а содержимое будет соответствовать его рассказу, дальше можно заниматься людьми и документами.

До приезда такси оставалось несколько минут.

Андрей достал телефон, нашёл нужный номер и позвонил. Человек на другом конце ответил не сразу. Разговор занял меньше минуты: фамилия Штейна, несколько адресов, просьба посмотреть, на кого оформлены точки и кто сейчас проходит по договорам. Обещали перезвонить, когда что-нибудь найдут.

Убрав телефон, Андрей машинально сунул руку в карман пальто.

Пальцы ничего не нашли.

Только тогда вспомнил, что сигарет больше нет.

Рука задержалась внутри ещё на секунду и вышла наружу. За последние недели жест никуда не делся. Иногда он замечал его уже после того, как начинал искать пачку, которой давно не носил.

Сбоку ударил холодный ветер. Андрей поднял воротник и только сейчас вспомнил о другом кармане.

0417 лежал на месте. Коннектор тоже.

Гринберга рядом не было.

Андрей оглянулся.

Пустой тротуар, остановка, женщина с пакетом у магазина, двое мужчин возле припаркованной машины. Профессора нигде.

Он ещё раз проверил носитель через ткань пальто. Отсоединить коннектор случайно было трудно.

Подъехало такси. Андрей сел назад, назвал адрес и захлопнул дверь. Машина тронулась, медленно выбираясь в поток.

Когда он снова посмотрел в салон, Гринберг уже сидел у противоположной двери. Профессор молча следил за улицей за стеклом: за проходящими людьми, машинами, мокрыми фасадами. Несколько секунд Андрей наблюдал за ним, прежде чем заговорить.

— На улице вас не было.

— Я знаю.

Только тогда Гринберг отвёл взгляд от окна.

— Что произошло?

— Пока не понимаю. В какой-то момент я перестал воспринимать происходящее. Потом снова оказался здесь.

— Коннектор всё время был подключён.

— Значит, дело не в нём.

— Такое уже случалось?

— Нет.

Андрей немного помолчал.

— Если повторится, сразу говорите.

— Разумеется.

Первым адресом оказался большой торговый центр «Квадрат». Андрей выбрал его из-за расположения почти в центре — утром дорога казалась короткой.

Казалось.

Пятнадцать километров заняли почти полтора часа.

За это время Гринберг успел изучить салон автомобиля, водителя, дорогу за окном и большую часть рекламы вдоль маршрута. Вопросов не задавал. Иногда Андрей замечал, как тот поворачивает голову вслед какой-нибудь вывеске или прохожему, и этого было достаточно, чтобы вспомнить: профессор впервые за долгое время видел что-то кроме кабинета и куска бара за внутренним окном.

«Квадрат» уже работал. Людей было немного, большинство магазинов только открывались. Автомат Штейна нашёлся возле перехода между двумя галереями: кофе, вода, снеки, ничего примечательного.

Андрей сверил номер на листе.

Совпадал.

Достал связку ключей, которую Штейн оставил вместе с адресами, выбрал помеченный синей полоской и вставил в замок сервисной панели.

Ключ повернулся сразу.

— Один, — негромко сказал Гринберг.

Андрей открыл дверцу.

За дверцей всё выглядело так, как и должно было выглядеть в торговом автомате: провода, блоки, кассеты, упаковки стаканов. На внутренней стороне панели была наклеена таблица обслуживания с датами.

Последняя запись — девять дней назад.

Рядом короткая подпись: «Р.Ш.»

Андрей сфотографировал её и закрыл автомат.

Второй адрес находился в деловом центре примерно в двадцати минутах езды. Здесь повезло больше: у машины уже кто-то работал.

Мужчина лет пятидесяти стоял на коленях перед открытой нижней панелью, рядом лежал ящик с инструментами. Андрей подошёл ближе.

— Не помешаю?

Тот поднял голову.

— Если кофе не нужен — нет.

— Ремонтируете?

— Профилактика.

— Часто?

Мужчина выпрямился, вытер руки о тряпку.

— Эту раз в месяц смотрю. Иногда чаще, если начинает чудить.

Андрей показал один из ключей.

— Такой знаком?

Взгляд задержался на синей метке.

— От этой сети.

— Вы их обслуживаете?

— Часть. Штук десять, наверное.

— Хозяина давно видели?

Ремонтник немного нахмурился.

— А вы кто?

Андрей достал удостоверение, раскрыл и тут же убрал обратно.

— Несколько вопросов.

— Частный детектив?

— Получается так.

Мужчина посмотрел на автомат, словно тот мог подсказать, стоит ли продолжать.

— Хозяина давно не видел.

— Насколько давно?

— Недели три. Может, четыре. Я не считал.

— До этого часто встречались?

— Иногда. Он сам много чего делал. Если проблема серьёзнее — звонил мне.

— Имя помните?

— Роман.

— Фамилия?

Здесь мужчина задумался уже всерьёз.

— Штейн вроде.

— Вроде?

— Ну да. Наверное, Штейн.

Никакой уверенности в голосе не было.

— Телефон остался?

— Должен.

Он достал смартфон, пролистал контакты.

— Вот.

На экране было записано просто: «Роман автоматы».

Номер совпадал с тем, который оставил клиент.

— Когда последний раз разговаривали?

— Недели две назад. Позвонил — недоступен. Потом написал, ответа тоже не было.

— А заявки после этого приходили?

— Приходили. Через нашу систему, как обычно. Я сначала вообще внимания не обратил.

— Раньше он сам звонил?

— Иногда. Если что-то срочное или хотел объяснить, что именно с автоматом. А тут пропал и всё.

Мужчина ещё раз посмотрел на контакт в телефоне.

— Я поэтому и набирал. Думал, может, телефон поменял или уехал куда-нибудь. Потом ещё раз попробовал — то же самое.

— Но работать продолжили.

Ремонтник пожал плечами.

— А что мне оставалось? Заявки идут, всё работает. Только Романа нет.

Он убрал телефон в карман, но почти сразу добавил:

— Странно это всё. Три года человек то звонит, то сам возле автомата крутится, а потом будто отрезало. Я сначала решил — надоело ему всё, продал кому-нибудь. Но тогда новый

хозяин хотя бы объявился. Если увидите его, скажите, пусть позвонит. Хоть просто скажет, что живой.

— Передам.

— С ним вообще всё нормально?

— Пока не знаю.

Ремонтник ещё немного постоял рядом, будто собирался спросить что-то ещё, но в итоге только кивнул.

— Ладно.

Андрей дописал последнюю строчку в блокноте, убрал ручку и поблагодарил его за разговор. Ремонтник вернулся к открытому автомату, а он направился к лифту.

Гринберг пошёл рядом.

— Что дальше?

— Ещё один адрес.

Андрей нажал кнопку вызова. Двери лифта открылись.

Третий адрес привёл их в небольшой медицинский центр. В холле пахло антисептиком и кофе, у стойки регистрации уже собралась небольшая очередь. Автомат стоял дальше по коридору, возле ряда пластиковых кресел.

Ключ снова подошёл с первого раза. За дверцей всё оказалось на месте: кассета с выручкой, запас стаканов, упаковки расходников. На внутренней стороне корпуса сохранилась сервисная наклейка с последними отметками. Возле блока питания кто-то поставил ручкой «Р.Ш.» и дату двухнедельной давности.

Гринберг стоял рядом, пока Андрей сверял запись с тем, что рассказывал Штейн.

— Тоже совпадает?

— Да.

Проверять остальные адреса смысла уже не было. Три автомата стояли именно там, где указал Штейн. На двух подошли ключи, возле второго нашёлся человек, у которого сохранились имя, номер телефона и смутное воспоминание о хозяине, а внутри машин оставались следы его работы.

Три из трёх.

На улице оказалось заметно теплее. Андрей остановился под козырьком, достал телефон и увидел пропущенный вызов с номера, которому звонил утром.

Перезвонил.

— Ну?

Голос на другом конце звучал озадаченно.

— Ты где это нашёл?

— Что именно?

— Штейна своего.

— Клиент.

— Я понял, что не в газете.

Андрей остановился возле входа, пропуская женщину с ребёнком.

— Что с ним?

— Да непонятно, что с ним. Я сначала решил, что ты фамилию неправильно дал.

— Правильно.

— Роман Игоревич Штейн?

— Да.

— Такого владельца бизнеса я не вижу.

Андрей посмотрел на Гринберга. Тот стоял рядом и слушал.

— А автоматы?

— Вот с автоматами веселее. По трём адресам, которые ты дал, договоры есть. По одному — старый договор аренды места, по двум — обслуживание и платежи. Всё действует.

— На кого?

На той стороне помолчали.

— В карточке плательщика стоит «Роман».

— И всё?

— Всё.

— Фамилия?

— Нет.

— ИНН?

— Тоже нет.

— Так бывает?

— Нет.

Ответ прозвучал сразу.

— Я два раза проверил. Потом полез глубже, думал, выгрузка кривая. Запись старая, операции по ней идут, деньги двигаются, договоры подтягиваются. Но нормальной идентификации плательщика нет.

— Компания?

— Название где-то всплывает. Старые договоры, счета, платежи за размещение, обслуживание. Но самого предпринимателя в системе я нормально не нахожу. Как будто бизнес существует, а человека, на которого он оформлен, нет.

Андрей ничего не сказал.

— И ещё, — продолжил собеседник. — Я сначала думал, это архивный мусор. Но последний платёж по одной из этих точек прошёл вчера.

— От кого?

— От того же «Романа».

Несколько секунд слышался только шум улицы.

— Скинь мне всё, что можешь.

— Уже отправил.

— Спасибо.

— Воронов.

— Что?

— Если разберёшься, расскажи потом. Потому что я сейчас чувствую себя человеком, который разучился читать собственную базу.

Связь оборвалась.

Андрей опустил телефон.

Гринберг ждал.

— Ну?

— Автоматы есть. Договоры есть. Деньги ходят.

— А Штейн?

Андрей убрал телефон в карман.

— Вот Штейна как раз нет.

Андрей постоял ещё немного, глядя на дорогу, потом вызвал такси. Проверять остальные автоматы теперь точно не имело смысла.

В машине Гринберг сел рядом, повернулся к окну, проводил взглядом несколько домов и только потом заговорил:

— Что вы об этом думаете?

Андрей посмотрел в окно.

— Думаю, с автоматами мы закончили

— И что теперь?

Андрей достал блокнот, полистал записи и остановился на странице с семьёй.

— Остальное проверим сейчас.

Профессор отвёл взгляд от окна.

— Жену?

— Жену.

— Вы хотели сначала пройтись по друзьям и родственникам.

— Передумал. Если она откроет дверь, узнает его по фотографии и скажет, что утром муж просто ушёл из дома, я верну Штейну остаток денег и отправлю к врачу.

Гринберг несколько секунд смотрел на блокнот.

— А если не узнает?

Андрей закрыл блокнот.

— Тогда будем думать дальше.

— Вы очень хотите, чтобы всё оказалось просто.

— Я просто хочу закончить это дело.

Голова снова начала побаливать. Не сильно — тупо, где-то за глазами. Андрей прикрыл их и откинулся на подголовник.

Гринберг сидел рядом и смотрел на дорогу.

Андрей достал блокнот и ещё раз посмотрел адрес, который Штейн оставил утром. Обычная многоэтажка, квартира на одном из верхних этажей.

Такси остановилось во дворе. Снега здесь почти не осталось. Под ногами хлюпала вода, возле детской площадки чернели мокрые сугробы. Андрей поднял воротник и направился к подъезду. Гринберг шёл рядом, на этот раз не исчезая.

У входа им повезло: дверь открылась, наружу вышла женщина с пакетом. Андрей придержал её и вошёл следом.

В лифте профессор стоял рядом и молчал. Андрей сверился с номером квартиры и убрал блокнот в карман.

Нужная дверь оказалась в конце короткого коридора.

Он позвонил.

За дверью послышались шаги. Неторопливые, тяжёлые. Кто-то задел что-то в прихожей, тихо выругался, потом щёлкнул замок.

Дверь открылась.

На пороге стоял Штейн.

3

Несколько секунд мужчина молча разглядывал Андрея, словно пытался понять, откуда тот взялся и что ему нужно. Потом его взгляд скользнул куда-то за плечо гостя и вернулся обратно.

— Последний взнос отдал два дня назад. Всё, больше ничего не должен.

Штейн изобразил что-то вроде нелепого поклона, и на Андрея пахнуло смесью пива, чеснока и ещё чего-то съеденного накануне. Он невольно поморщился.

Гринберг так и стоял рядом, не двигаясь.

— Ещё вопросы?

Мужчина выпрямился и вопросительно посмотрел на Андрея. Тот всё ещё молчал. Встретить здесь Штейна он ожидал меньше всего. Тем более такого.

Это не была точная копия человека, который утром сидел в его кабинете. Лицо чуть полнее, под глазами тёмные круги, волосы на макушке заметно поредели. Растянутая футболка и домашние спортивные штаны совсем не вязались с аккуратным, собранным Штейном, которого Андрей видел несколько часов назад.

Но это был он.

Или, по крайней мере, человек, которого невозможно было с ним не связать.

— Роман? — осторожно спросил Андрей.

Мужчина сразу насторожился.

— А кто спрашивает?

Он выглянул за плечо Андрея на лестничную площадку, задержал взгляд на тёмном коридоре и снова посмотрел на него.

— Андрей Воронов. Частный детектив.

— И?

— Хотел уточнить пару вещей.

Штейн посмотрел на него без особого интереса.

— Каких?

Андрей поймал себя на том, что не знает, с чего начать. Спросить, где тот был сегодня утром? Работает ли у него сеть автоматов? Знает ли человека, который выглядит почти так же? Любой вопрос сейчас звучал бы нелепо.

— Вы давно здесь живёте?

— Одиннадцать лет. А что?

Андрей ещё раз посмотрел на мужчину, потом невольно перевёл взгляд ему за спину.

Дверь была открыта достаточно широко, чтобы видеть небольшую прихожую. На крючках висели две куртки, одна явно мужская. Под ними стояли кроссовки сорок пятого, может, сорок шестого размера, рядом женские ботинки и пара детских. На тумбе лежала связка ключей с потёртым кожаным брелоком.

Ничего особенного. Обычная квартира, в которой люди живут давно и не думают о том, как она выглядит со стороны.

На стене Андрей заметил несколько фотографий в одинаковых тонких рамках. Разглядеть подробно с площадки было трудно, но на одной стояли трое: женщина, девочка и мужчина.

Тот самый, который сейчас держал дверь.

Снимок был сделан не вчера. Девочка там выглядела заметно младше.

Андрей задержал взгляд чуть дольше, чем следовало.

Штейн это заметил.

— Что?

— Ничего.

Из глубины квартиры донёсся голос женщины:

— Ром, ты идёшь?

— Сейчас.

Он обернулся, потом снова посмотрел на Андрея.

— Так что случилось?

— Ничего. Извините, ошибся.

— Бывает.

Дверь закрылась.

Андрей остался перед закрытой дверью, пытаясь уложить увиденное в голове. Потом повернулся и только тогда заметил, что Гринберга рядом нет.

Профессор исчез так же незаметно, как в прошлый раз.

Андрей дошёл до лифта, спустился вниз и вышел на улицу.

У подъезда машинально сунул руку в карман, где раньше носил сигареты. Пальцы нащупали только подкладку.

Всё должно было оказаться проще, а стало заметно сложнее. Мужчина за дверью был слишком похож на Штейна, чтобы списать это на случайность, но Андрей пока не собирался делать из сходства выводы. Для начала стоило понять простую вещь: утром у него действительно сидел Роман Штейн или человек, который зачем-то назвался его именем. И если это был Штейн — кто тогда остался в квартире?

Андрей на секунду оглядел двор, машинально поискал глазами Гринберга. Профессора нигде не было. Звать его не стал.

Андрей достал телефон и блокнот. Нашёл оставленный утром номер и набрал.

Несколько секунд в трубке стояла тишина, затем ответил ровный женский голос:

— Набранный вами номер не обслуживается.

Андрей сверил цифры с записью и набрал ещё раз.

— Набранный вами номер не обслуживается.

Попробовал в третий раз. Ответ не изменился.

Андрей медленно опустил телефон. Номер Штейн оставил ему утром сам. Цифры он сверил дважды — ошибки не было.

И тут вспомнил ремонтника.

Андрей пролистал несколько страниц назад. Записывал он обычно коротко, для себя, поэтому чужому человеку половина пометок показалась бы бессмысленной. Нашёл нужную строку: имя, сервисная фирма, номер Романа.

Сверил цифры.

Те же.

У ремонтника этот контакт хранился уже давно. «Роман автоматы». Он не просто подтвердил имя — он пытался звонить по этому номеру около двух недель назад и тоже не дозвонился.

Андрей снова посмотрел на экран телефона.

Значит, случайный набор цифр можно было вычеркнуть. Утром Штейн дал ему тот же номер, по которому до всей этой истории с ним связывался человек, обслуживавший автоматы.

Только теперь этот номер не существовал.

Андрей открыл мессенджер и вбил номер туда. Ничего полезного: ни фотографии, ни имени, ни последней активности. Закрыл приложение.

Проще от этого не стало.

Штейн либо оставил ему номер, который уже около двух недель не работал, и почему-то не сказал об этом, либо сам не знал, что с номером что-то не так, либо...

Третий вариант Андрей пока даже формулировать не хотел.

Чертовщина какая-то.

После человека в квартире это уже не выглядело мелочью. Теперь нужно было найти утреннего Штейна и для начала выяснить, кто вообще сидел у него в кабинете.

Гринберга рядом не было, поэтому советоваться было не с кем. Ехать по остальным автоматам Андрей уже не видел смысла. Три проверенных точки подтвердили достаточно. Ещё десяток открывшихся ключом железных ящиков ничего бы не изменил.

Он вернулся в бар, почти не замечая дороги, погружённый в мысли о деле, которое ещё утром собирался проверить за день-два и забыть.

Внизу было непривычно тихо. До вечернего наплыва оставалось ещё несколько часов. За одним из дальних столиков сидела пара постоянных посетителей, на стойке сохли перевёрнутые бокалы, из колонок негромко тянулась музыка.

Серёга что-то перекладывал под стойкой. Увидев Андрея, выпрямился.

— Быстро ты.

Андрей только махнул рукой и пошёл дальше.

— Всё нормально?

Он уже поставил ногу на первую ступеньку.

— Пока не решил.

Сергей посмотрел ему вслед, но больше ничего не спросил.

Андрей поднялся на второй пролёт. Снизу ещё доносилась музыка, звон стекла, приглушённый разговор. Обычный рабочий день. Ничего из того, что происходило последние несколько часов, сюда будто не добралось.

На площадке он замедлил шаг.

Появился странный сладковатый запах.

Едва заметный, знакомый ровно настолько, чтобы заставить остановиться.

Андрей сделал ещё несколько ступеней. Запах стал чуть отчётливее, потом начал слабеть.

Он невольно оглянулся вниз.

Никого.

Постоял секунду, пытаясь понять, откуда тянет, но запах уже исчез.

Дверь кабинета была приоткрыта.

Андрей замер.

Он точно помнил, что закрывал её.

Рука по старой привычке скользнула к боку и остановилась. Оружия там не было уже много лет.

Андрей тихо выругался себе под нос.

Несколько секунд просто смотрел на узкую тёмную щель, прислушиваясь. Из кабинета не доносилось ничего.

Потом толкнул дверь ладонью.

Через прикрытые жалюзи из бара пробивался слабый свет. В полумраке привычные очертания мебели казались чуть сдвинутыми, будто в комнате что-то было не на своём месте.

Андрей задержался на пороге. Тот сладковатый запах, который зацепил его ещё на лестнице, здесь уже не чувствовался.

На диване кто-то сидел.

В виске неприятно дёрнуло.

Андрей нащупал выключатель.

— Добрый день.

На диване сидел Штейн.

Пальто лежало рядом, рубашка по-прежнему была аккуратно заправлена, только галстук исчез, а верхняя пуговица оказалась расстёгнута. Он сидел спокойно, положив руки на колени, словно Андрей задержался на встречу, о которой сам же забыл.

Несколько секунд Андрей не двигался.

— Дверь была открыта, я решил подождать внутри.

Андрей молча закрыл её за собой.

Хотелось начать с вопроса, какого чёрта тот вообще здесь делает, но вместо этого он прошёл к столу, выдвинул нижний ящик и достал бутылку минералки. Плеснул в стакан, выпил почти половину и только потом сел.

Штейн всё это время наблюдал за ним без заметного беспокойства.

— У вас двадцать минут, — сказал Андрей. — И сразу предупреждаю: деньги я вам не верну.

— Вполне понимаю.

— Рад за вас.

Штейн чуть изменил положение рук.

— Вы что-то нашли?

Андрей посмотрел на него поверх стакана.

— Нашёл.

— И?

— Для начала скажите, почему ваш телефон не обслуживается.

Штейн достал аппарат из внутреннего кармана, взглянул на экран.

— Не знаю.

— Очень хороший ответ.

— Связь пропала несколько часов назад. Я решил, что проблема с сим-картой.

Андрей поставил стакан на стол.

— Несколько часов?

— Да.

— Человек, который обслуживает ваши автоматы, пытался дозвониться вам около двух недель назад. Номер уже тогда был недоступен.

Штейн нахмурился.

— Не знаю.

— А потом вы просто пошли дальше по своим делам?

— А что вы предлагаете делать человеку, если перестал работать телефон?

Штейн произнёс это настолько спокойно, что Андрей несколько секунд даже не нашёлся с ответом.

— Купить новую симку. Позвонить оператору. Хотя бы удивиться.

— Я удивился.

По лицу этого сказать было невозможно.

Андрей откинулся в кресле.

— Хорошо. Тогда ещё один вопрос. Кто живёт в вашей квартире?

Штейн посмотрел на него.

На этот раз пауза была длиннее.

— В каком смысле?

— В самом обычном. Я сегодня туда ездил.

Чуть заметно напряглись пальцы на колене, и всё. Ни движения вперёд, ни резкого вопроса, ни того выражения, которое Андрей ожидал увидеть.

— Жена была дома?

— Была.

— Дочь?

— Не видел.

— И?

Андрей почувствовал, как раздражение снова начинает подниматься.

— Дверь открыл мужчина.

Штейн молчал.

— Лет сорока. Рост примерно ваш. Телосложение другое — поплотнее. Волос на голове поменьше. Спортивные штаны, футболка, тапки, лёгкий перегар. Жена из квартиры зовёт его Ромой.

Теперь на лице всё-таки что-то появилось. Не страх. Скорее сосредоточенность человека, которому сообщили данные, не укладывающиеся в привычную схему.

— Вы с ним разговаривали?

— Разговаривал.

— Имя спросили?

Андрей коротко усмехнулся.

— Представьте себе.

— И?

— Роман Штейн.

Тишина продержалась несколько секунд.

Андрей ждал.

Штейн медленно выдохнул через нос.

— Понятно.

Это оказалось последней каплей.

— Что вам, мать вашу, понятно?

— Ничего.

Андрей поднялся из кресла.

— Я прихожу в вашу квартиру, а там ходит человек с вашим лицом, живёт с вашей женой и называется вашим именем. Потом звоню вам — номера не существует. Возвращаюсь сюда, а вы уже сидите у меня на диване и рассказываете, что, наверное, сим-карта сломалась. Вас хоть что-нибудь во всей этой истории беспокоит?

Штейн поднял на него глаза.

— Беспокоит.

— Незаметно.

— Я не знаю, какой реакции вы от меня ждёте.

— Хоть какой-нибудь.

— Это что-нибудь изменит?

Вопрос прозвучал без вызова.

Штейн поправил край пальто, сползшего с дивана.

— Если вы действительно видели человека, похожего на меня, я хочу понять, кто он. Если жена считает его мной, тем более. Но я не могу ответить вам, откуда он взялся.

— Может, вы его знаете?

— Нет.

— Брат?

— Нет.

— Близнец, о котором забыли рассказать?

— У меня нет брата-близнеца.

— Родственник?

— Никого настолько похожего.

Андрей прошёлся от стола к окну и обратно.

— Это может быть какой-то спектакль? Ваш знакомый? Грим, накладки, чёрт знает что ещё?

Штейн впервые посмотрел на него почти с недоумением.

— Зачем?

— Вот это я и пытаюсь понять.

— Если бы я хотел вас обмануть, зачем мне было нанимать вас и давать адрес квартиры?

Логика была неприятно простой.

Андрей остановился.

— После того раза, когда жена вас не узнала, вы туда возвращались?

— Нет.

— Ни разу?

— Нет.

— Почему?

На этот раз Штейн отвёл взгляд.

— Она хотела вызвать полицию. Дочь меня испугалась. Я решил, что вторым визитом ничего не исправлю.

— И две недели просто не пытались попасть домой?

— Я пытался понять, что вообще происходит. Говорил с людьми. Был в полиции, потом у врача. Проверял работу. Потом пришёл к вам.

Это совпадало с тем, что он рассказывал утром.

— Где вы всё это время жили?

Штейн немного помедлил.

— Снял комнату.

Вот тут Андрей задержал на нём взгляд.

— Где?

Роман назвал улицу и номер дома.

— Документы на заселение показывали?

— Паспорт.

— Приняли?

— Да.

— Вас там помнят?

— Не проверял.

Андрей провёл ладонью по лицу.

Ещё одна точка. Ещё одно место, куда можно ехать и спрашивать, существует ли там Роман Штейн. Несколько часов назад это показалось бы нормальным продолжением расследования. Сейчас сама мысль вызывала усталость.

Андрей повернулся к Штейну и краем глаза заметил Гринберга у кресла. Когда именно профессор вернулся, Андрей не заметил.

Тот медленно обошёл кресло и остановился сбоку от стола.

— Любопытно, — произнёс Гринберг.

Андрей едва заметно поморщился, но взгляд от Штейна не отвёл.

— Комнату сняли когда?

— Несколько дней назад.

— До этого?

— Гостиница.

Гринберг продолжал разглядывать клиента.

— Есть одна довольно бесполезная аналогия, — произнёс Гринберг. — В нелинейных системах небольшое изменение условий иногда приводит к совершенно разным результатам. К человеку это напрямую отношения не имеет, разумеется.

Андрей сжал губы. Сейчас ему меньше всего хотелось слушать научные аналогии.

— В гостинице документы показывали?

— Паспорт.

— Вопросов не было?

— Нет.

— Вас там помнят?

Штейн ненадолго задумался.

— Не проверял.

— Разумеется.

— Я не видел в этом необходимости.

Гринберг медленно прошёл вдоль стены.

— Мне просто не нравится, что здесь одновременно существуют два набора фактов, каждый из которых по отдельности выглядит вполне связно. Обычно в такой ситуации один из них ошибочен. Пока я не понимаю, какой.

Андрей шумно выдохнул через нос.

Штейн это заметил, но ничего не сказал. Всё то же спокойствие, будто речь шла не о человеке с его лицом и именем, живущем с его женой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.